

Этюд Л. И. Аксельрод «Мораль и красота в произведениях О. Уайльда» воспроизводит без всяких изменений статью, напечатанную в 1916 г. в журнале «Дело». Очерк Л. И. Аксельрод хранит на себе следы времени, когда был написан. Это в значительной степени — этюд полемический, направленный против тех «буржуазных» критиков и писателей, которые (в роде Чуковского, Бальмонта) усматривали в английском поэте последовательного и чистого гедониста, эстета и индивидуалиста. Тов. Аксельрод совершенно права, доказывая им, что они плохо читали Уайльда и тенденциозно его искажают. Правда, английский поэт *пытался* заменить «мораль» и «общественность» аморальным гедонизмом и эстетизмом, однако, попытка эта привела только к торжеству морального и социального чувства, ибо 1) роман «Портрет Дориана Грея» есть не апофеоз, а крушение эстетико-гедонистического жизнепонимания, 2) в таких сказках, как «Счастливый принц» и «Молодой король», это жизнепонимание победоносно подтачивается и разрушается пробуждающимся социально-моральным чувством (сознанием невозможности наслаждаться жизнью и красотой при наличии эксплуатации работающих классов), 3) в «Герцогине Падуанской» героиня становится на сторону угнетенного и бунтующего народа, 4) подобно тому, как поэт отрекся от аморального эстетизма (еще раз устами Эстер в «Женщине, не стоящей внимания»), так перешел он от «аристократического индивидуализма» к социализму, хотя имел о нем весьма неясное представление (как автор статьи «Душа человека при социалистическом строе»).... На основании всех этих неоспоримых данных автор делает вывод, что, поскольку речь идет об О. Уайльде, «мораль в ее широкой общественной постановке одержала принципиальную победу над религией красоты и отрицанием норм нравственного поведения». Таков в самом деле О. Уайльд. Тов. Аксельрод не ограничивается, конечно, только восстановлением подлинного образа английского поэта, она дает для представляемого им в литературе жизнепонимания социологическое, марксистское объяснение. Но именно здесь хотелось бы сделать несколько замечаний. Автор очерка делит западноевропейскую интеллигенцию на три группы. Одна часть обслуживает буржуазию, мыслит и чувствует, как буржуазия. Другая часть, в «большей или меньшей степени», идейно сливается с рабочим классом. Наконец, третья представляет собою «деклассированную, совершенно выбитую из коллективной жизни» группу (16-17). Аморальный гедонизм и эстетизм и является идеологией этой именно деклассированной интеллигенции (53). Правда, автор тут же прибавляет, что это жизнепонимание претворить в действительность может только личность командующих классов, и что поэтому «эстетизм представляет буржуазное учение» (53); а в другом месте подчеркивается, что это учение по разным причинам не могло не заразить и широкие слои буржуазной (не деклассированной интеллигенции) (20). Однако, по существу аморальный эстетизм есть идеология деклассированной интеллигенции, — Здесь ее «настоящие последователи». Так ли это? В одном месте II тома «Современного капитализма» Зомбарт (хотя и буржуазный ученый) правильно замечает, что всякий расцвет капитализма сопровождается всегда господством такого мировоззрения, характерными чертами которого является аморализм и эстетизм. Формулируется это мировоззрение, разумеется, интеллигенцией, но самое мировоззрение есть мировоззрение или жизнепонимание господских классов. Эпоха Возрождения, эпоха торгового капитала, эпоха господства купеческой буржуазии и купеческой аристократии, есть вместе с тем эпоха критики и отвержения старой (христианской) морали, ее замены принципами личности, наслаждения, красоты, и, наконец, пышного расцвета как художественного отношения к жизни, так и

¹ «Печать и революция», 1923, декабрь, №7, стр. 246-248.

искусства. То же самое явление закономерно повторяется во второй половине XIX в., как только промышленный капитализм вышел из пеленок первоначального накопления, как только он стал сменяться капитализмом финансовым — сначала в Англии, потом во Франции, Италии, Германии. Здесь везде одинаково ведется поход против старой морали, ставшей ненужностью для господских классов, прокламируется «сверхчеловеческий» индивидуализм, расцветает прикладное искусство, как средство эстетизировать будничную действительность, художественное мировоззрение вытесняет литературно-идейное, в литературе выводятся типы эстетов-гедонистов и т. д. Другими словами: аморальный гедонистический эстетизм есть жизнепонимание господских классов в известные периоды развития капитализма. Если же перед нами это умонастроение, подточенное соображениями морально-социальными, то именно эта невыдержанность, эта двойственность, и только они, внесены в него «деклассированной интеллигенцией», ибо только она — связанная с одной стороны с господскими классами, а с другой — не заинтересованная непосредственно в эксплуатации пролетариата, способна пережить такие настроения, из которых выросли «Молодой король» и «Падуанская герцогиня». Было бы поэтому правильнее сказать, что гедонистический эстетизм есть идеология не деклассированной интеллигенции, а господских классов в известные периоды, а деклассированная интеллигенция вносит в это жизнепонимание ту невыдержанность, которой отмечено оно в творениях О. Уайльда, но, однако, не всех эстетов, подвизавшихся на поприще новейшей литературы. Болезненной раздвоенности нет, напр., ни в аморально-эстетическом гедонизме героя Джорджа Мура в романе «Confessions of a young man», как нет ее ни в произведениях Аннунцио его «эстетического» периода или в трилогии Г. Мана «Богини», где героиня психически разлагается, правда, но не потому, что «мораль» и «общественность», которым служила герцогиня Асси, как Диана, торжествует над ее эстетизмом Минервы, а потому, что эстетизм поглощается эротизмом, — Минерва пасует перед Венерой.

Хотя очерк тов. Аксельрод и был написан сравнительно давно, он актуален и в наши дни, не только потому, что дает правильный облик О. Уайльда, но и потому, что основная его мысль, а именно, что «аристократический индивидуализм» приводит неизбежно к оскудению личности, как эстетизм приводит неизбежно к извращению самого эстетического чувства, — лишний аргумент в пользу необходимости отмежеваться решительно от старой буржуазной культуры, за исключением некоторых ее научных и технических достижений, для нас бесполезной.

К очерку присоединено небольшое предисловие, где автор развивает мысль, — что так называемое «левое» искусство — порождение упадочной буржуазно-интеллигентской психики и потому на почетный титул «пролетарского» искусства претендовать не в праве.

В. Фриче.